

Субъективные заметки о пермской социологии

О.Л. ЛЕЙБОВИЧ

Оставим будущим историкам общественной мысли искать ответ на вопрос, существовали ли в советской социологии научные школы, или ее теоретическую продукцию составляли собрания бледных оттисков чужих (американских, или французских) текстов, выполненных к тому же на мало пригодном материале. М. Кастельс в былые годы, например, всю советскую городскую социологию считал провинциальным изводом американского урбанизма [*Castells* 1973, с. 17]. Более строго та же проблема может быть сформулирована по-другому: какое место в становлении отечественной социологии играла филиация идей. Не она ли являлась основным источником творческого вдохновения местных социальных исследователей. Надо сказать, что подобных сомнений не был чужд и Захар Ильич Файнбург, отдавший последнюю треть своей жизни пересадке новой социологической культуры на пермскую почву. Во всяком случае, «Филиация идей» была первой темой кандидатской диссертации, предложенной им автору этих строк в 1975 г. Забегая вперед, скажу, что спустя тридцать лет ученый совет по отечественной истории в Пермском госуниверситете принял к защите работу В.В. Яковлевой, посвященную сходной проблематике [*Яковлева* 2004.]. Все закончилось благополучно, и в доме диссертанта поселился котенок по кличке Филиация, в просторечии, конечно же, Филька.

Повторюсь: поиск точных дефиниций, описывающих статус социологии в научных или образовательных институтах поздней советской эпохи, не является предметом настоящих изысканий. Замысел заметок более прост – предоставить материал для будущих историков науки. По жанру это воспоминания социолога – пристрастные, фрагментарные и, естественно, требующие дополнительной верификации сохранившимися документами. Вот здесь и обнаруживается первый камень преткновения.

Пермская социология, если и была школой, то школой средневековой или даже античной. В ней очень мало писали, в основном, беседовали. Аллеями служили длинные сумрачные коридоры Пермского политехнического института; форумом – тесное помещение кафедры научного коммунизма. По вторникам с 10 часов утра до 5 часов вечера с часовым перерывом Захар Ильич Файнбург говорил. Назвать его речь лекцией было нельзя, хотя заранее объявлялась тема, и даже обозначались вопросы для обсуждения. Шеф – так его называли кафедралы и в глаза и за глаза – садился за стол и начинал. От заявленной темы он уклонялся очень быстро и, если возвращался, то только под занавес, когда утомленные слушатели почтительно просили выводов. Назвать речь Захара Ильича монологом – было бы тоже неправильно. Это был диалог с многочисленными оппонентами и пропонентами, находящимися далеко от Перми, а уж тем более, от служебного помещения – диалог с Марксом, с Грамши, с Мертоном (его Файнбург редко называл по имени), с Маркарьяном, с Симония, в

последние годы с Лукачем. Временные и пространственные дистанции здесь роли не играли. Одновременно перед дюжиной сотрудников разыгрывались словесные поединки с идейными врагами – их Файнбург то скопом именовал «назначенными академиками», то перечислял по фамилиям – Митин, Константинов, Францев (изредка) и обязательно Руткевич. Захар Ильич обличал, разоблачал, громил. Темперамент у него был бойцовский. Враги, конечно же, не сопротивлялись. Во всяком случае, здесь – на кафедре. Слушатели, надо признать, не были равноправными участниками полилога. Мы могли записывать, задавать вопросы, даже возражать, или вслух иронизировать. Геннадий Николаевич Литаровский, заслуживший к тому времени на кафедре титул «закамского марксиста», как-то прервал взволнованный монолог шефа репликой на тему гениев областного масштаба. Публика замерла. Захар Ильич рассмеялся первым. Новая номинация вошла в кафедральный язык.

Файнбург, однако, обращался не к нам. Мы для него были только учениками – бестолковыми, малосведущими и ленивыми. Захар Ильич не уставал об этом напоминать. Возражать, впрочем, не возбранялось. Можно было повторять солдатскую поговорку: «У умных офицеров-де толковые денщики, а я вот вам достался». Отшучиваться было можно, отклоняться от установленного порядка – нельзя. Модель взаимоотношений на кафедре укладывалась в формулу, удачно найденную Ниной Николаевной Измоденовой – сейчас она заведует кафедрой социологии в Апатитах – «Троекуров и его дворня», в более сердитом варианте – «Троекуров и его псарня». Перед чиновной публикой, в особенности перед институтским начальством, Захар Ильич, напротив, своих питомцев защищал, подчеркивал их высокую компетентность и профессионализм, чем нимало раздражал своих собеседников. На кафедре долго повторяли обмен репликами на заседании парткома, утверждавшем состав государственных экзаменационных комиссий по научному коммунизму. Ректор: «Вас, Захар Ильич, послушать, так у вас любой ассистент умнее профессора». Файнбург: «В своей области, конечно».

Так вот, Файнбург по вторникам выступал перед воображаемым большим научным сообществом. Захар Ильич буквально оживал, когда ему удавалось вступить в действительную полемику с сильным противником, покорить незнакомую аудиторию. Это случалось очень редко. На большие конференции его звали не часто, да и организованы в 1970-е годы они были таким образом, чтобы исключить, или хотя бы свести до минимума дискуссии по ключевым вопросам.

Файнбург много писал – ежедневно по три четыре часа кряду – писал дома в утренние часы, писал в больнице, писал в летнем домике, ежегодно снимаемом где-то в марийской глуши, писал всюду. И очень редко печатался – в основном, в малотиражных сборниках тезисов конференций (2–3 страницы). «Эта область обществоведения была менее подвержена официальной цензуре, – писал он впоследствии, – но зато она и от возможности влияния на вырабатываемую социально-экономическую

политику была и остается отделенной тремя китайскими стенами» [*Файнбург* 1991, с. 293]. Подробная библиография трудов З.И. Файнбурга за 25 лет насчитывает менее 30 журнальных статей, среди которых рецензии, обзоры, реплики и заметки [См: Научный тандем 2004, с. 24–27]. В таком же объеме публиковали свои изыскания и сотрудники его кафедры, разве что в «Новый мир» посылать рецензии побаивались. И еще они сооружали объемные отчеты о проведенных исследованиях – в Перми, Березниках, Норильске. Отчеты переписывались на машинке в 4–5 копиях. Первые экземпляры отдавались заказчику. Последние – слепые – оставались в лаборатории социологии. Некоторые хранятся до сих пор. Другие были истреблены в ходе периодических ремонтов, перестроек и переездов.

В общем, пермская социологическая мысль в 1970–1980-е годы существовала в виде устной традиции. Публикации были своеобразными маргиналиями на полях грандиозного эпоса, сочиняемого и пересказываемого внутри замкнутого научного сообщества и потому мало пригодного для трансляции вовне. Печататься было негде. Рукописи социологических монографий З.И. Файнбурга не принимались издательствами [См: *Козлова* 1996; *Козлова* 1998]. Кроме редакторской цензуры, отклонявшей журнальные статьи под тем предлогом, что в них содержатся пассажи о рутинном, монотонном труде – это де может обидеть рабочих массовых профессий, или отвратить школьную молодежь от поступления в профессионально-технические училища, существовал официальный запрет на публикации ученых записок по общественным наукам в политехнических вузах. Для тогдашнего руководства ИСАН СССР З.И. Файнбург был крамольником [См.: *Анτισоветские материалы...* 2003], так что возможности публикаций в «Социологических исследованиях» и для него самого, и для его сотрудников были предельно ограничены. Только в начале 1980-х годов «Социс» опубликовал два материала, присланных из Пермского политехнического института: заметку и рецензию [*Файнбург* 1981; *Файнбург, Лейбович* 1983]. Тогда же в профсоюзном издательстве вышла коллективная монография под редакцией Файнбурга [Социология 1982]. Между тем, отношение к печатному слову, вернее, к тексту, предназначенному для публикации, или хотя бы для обсуждения, было в высшей степени ответственным. Рукописи диссертаций обсуждались часами, потом возвращались автору. Спустя несколько месяцев процедура повторялась вновь – и так несколько лет подряд. Домашней цензуре подвергались и тексты Захара Ильича.

Снова переходя на более строгий язык, замечу, что институализация социологии в Перми в поздний советский период происходила в замкнутом социальном пространстве, сформированном вокруг одного лица, исполнявшего функцию инициатора, организатора, учителя и одновременно модератора в процессе постоянно возобновляемой вербальной научной коммуникации, реализуемой догугенберговскими техниками, т. е. живой речью. Считать такую ситуацию сугубо пермской спецификой бытования социологии представляется некорректным. Персонализация гуманитарных

сообществ, сопровождаемая изустностью генерирования и распространения знаний, является характерной чертой позднего социализма. По верному замечанию А. Береловича, «в позднесоветскую эпоху, в особенности в 1970-е годы и в первой половине 1980-х годов, у государства уже не было монополии на легитимацию работы интеллектуалов; оно раздавало степени и звания, посты в Академии наук, но параллельно уже существовала совершенно другая сфера, где легитимность устанавливалась как раз обратным порядком, в противовес этой официальной системе. <...> Можно сказать, что неформальные структуры внутри научного сообщества (круг участников летних школ в Тарту или ближайших почитателей Бахтина его последних лет) были еретическими по отношению к внешнему большому обществу и несогласные, отторгнутые этими еретиками, в свою очередь, так или иначе тяготели к официозу» [Берелович 2005, с. 43].

Кафедра научного коммунизма Пермского политехнического института, а именно о ней шла речь выше, конечно, менее всего напоминала неформальную структуру, однако, именно в ней – внутри сугубо официального учреждения – складывались отношения, типичные для автономных научных сообществ. И по этой причине чтение (даже очень внимательное) соответствующих протоколов (даже вместе с немногочисленными публикациями) не позволит выявить институциональные особенности сложившейся социологической ячейки. В такой ситуации рассказы участников событий остаются основным источником, несмотря на всю их субъективность, пристрастность и неполноту.

Во всех воспоминаниях, касающихся истории социологии в Перми, имя Захара Ильича Файнбурга является знаковым. Оно символизирует собой романтическую эпоху социологической бури и натиска: первых исследований на предприятиях, лекций на факультете общественных профессий, создание клуба современной фантастики, всесоюзных конференций, участия в международных проектах. Для обществоведов 1970-х годов Файнбург и социология были синонимами. Иногда казалось даже, что Файнбург – это коллективный псевдоним для социологических работников. На историческом факультете лекции по эстетике нам читал один из сотрудников социологической лаборатории В.М. Лихачев. Он так часто цитировал Файнбурга, что к концу семестра многие из нас искренне уверились, что именно он тем самым Файнбургом и является. Тем более, что Захара Ильича студенты исторического факультета никогда не видели. Для университетского руководства он долгие годы был персоной нон грата, также как и для обкомовского начальства. В партийных инстанциях его терпели, причем вовсе не из уважения к его эрудиции, компетенции, фронтовому прошлому, или даже к докторскому титулу, но – скорее всего – по вполне номенклатурной причине. Шурин Захара Ильича работал в отделе пропаганды и агитации ЦК КПСС, и местные функционеры без особой нужды ссориться с ответственным товарищем не хотели, но меры предосторожности принимали: за границу не выпускали, в партийные

комитеты не выдвигали, по случаю юбилея ограничивались приветственными телеграммами, вместо положенных грамот. Знающие люди объясняли: награждение грамотой остается в делах, а телеграфная корреспонденция нигде не регистрируется.

Репутация З.И. Файнбурга не была случайной. Он принадлежал к столичному кругу интеллектуалов – обществоведов, профессионально занятых в системе вузовского образования и академических институтах, – людям с основательной гуманитарной подготовкой, знанием иностранных языков, критическим отношением к сталинской культурной и научной политике и ее кадрам. «Их объединяли круг чтения, интерес к научному исследованию социальных проблем и главное – определенная позиция к системе воспроизводства и реформирования власти» [Российская социология... 1999, с. 10]. Пионеры советской социологии вышли из этой среды. Социологи первого призыва не были специалистами в новой отрасли знания. Они получили экономическое, философское, филологическое, историческое и даже журналистское образование. Без профессиональной зашоренности и систематической социологической подготовки они приступили к изучению советского общества. Этих людей отличали симпатичные качества талантливых дилетантов от науки: склонность к большим теориям, смелые гипотезы, интуитивные находки, постоянное обращение к смежным областям гуманитарного знания. В конечном счете, сложилось первичное сообщество социологов, публикующееся в одних и тех же сборниках, съезжающееся на конференции и семинары, объединенное общностью судеб и биографий, складывающимся профессиональным языком, где знакомые слова приобретали новые значения, закрытые для посторонних: «подлежащее и сказуемые», «пилотаж», «панель». З.И. Файнбург, несмотря на географическую удаленность Перми от столичных учреждений, органично вошел в это сообщество. Он был человеком их круга и по образованию (ИФЛИ, а затем МГУ), по биографии, по разделяемым ценностям и, наконец, по стилю общения.

Социологические взгляды З.И. Файнбурга принадлежали марксистской традиции в обществознании. Он строил собственный научный мир из элементов экономической теории «Капитала» при помощи метода, извлеченного знатоками Маркса из его текстов – знаменитой диалектической логики: «Отправляясь от логики “Капитала” К. Маркса, политическая экономия социализма должна одновременно из нее вынести и ей противопоставить свою собственную логику: выявить основное противоречие своего объекта исследования, отправляясь от этого противоречия, осуществить восхождение ее исходных, абстрактных понятий к конкретным, выстроить свою понятийно-категориальную систему, обеспечивая строгое опосредование в движении от теоретических абстракций к конечной практике» [Файнбург, Козлова 1982, с. 3].

З.И. Файнбург был приверженцем больших теоретических моделей, интерпретирующих всю социальную действительность в ее исторической протяженности, многообразии и противоречивости. Ключевым понятием в

этом случае становился «социальный процесс», в иной редакции «процесс исторический», за границами которого не было места никаким проявлениям социальности. Исторический процесс имел, во-первых, заданный *вектор развития*, а, во-вторых, сложную внутреннюю структуру. «Хорошо ли, плохо ли, но история, если ее анализировать на формационном уровне, не содержала в себе разнонаправленных альтернатив. История в этом смысле – направленный поток времени, оставляющий человечеству не такой уж широкий диапазон выбора, которым, однако, воспользоваться, безусловно, нужно» [Файнбург 1991, с. 13].

Речь шла о самодвижении общества от низших форм социальной жизни к высшим. Высшее означало и более сложное. Мерила высоты располагались на трех автономных шкалах: технической, собственно социальной и личностной. Предполагаемым финалом развития явилось бы достижение триединого рубежа, на котором автоматизированное производство, осуществляемое в коллективистских формах свободными индивидуальностями, *сняло* известные ныне противоречия. З.И. Файнбург добавлял, что, естественно, породило бы новые противоречия, содержание которых наука не в состоянии спрогнозировать. Иное дело, художественная литература, способная *угадать* некоторые черты будущего. З.И. Файнбург видел в фантастике современную форму социальной утопии, призванную заглядывать за горизонт, не доступный точному общественному знанию. «Художественное, образное воспроизведение реальности позволяет моделировать гипотетические социальные ситуации, относительно которых нам, безусловно, не достает строгой и точной научной информации. Кроме того, образное виденье мира, позволяющее отобразить его во всей полноте, во всей целостности, дает тем самым возможность построить “действующую” образную модель гипотетического мира, обеспечить эффект наглядности, эффект присутствия в этом гипотетическом мире» [Файнбург 2000, с. 10].

Упомянутый выше рубеж располагался, однако, перед линией горизонта, и обсуждение качественных характеристик новой системы – *зрелого (готового) коллективистского общества*, по мнению З.И. Файнбурга, было не только допустимым, но и крайне необходимым делом. Понять современные социальные проблемы можно, только представив их в правильной перспективе. Иначе будут смещены масштабы и искажены пропорции. Человек склонен оценивать социальные ситуации с высоты своего роста, ничтожного по сравнению с историческим процессом. Социолог, который видит в дефиците колбасы симптом социальной болезни, поступает по-обывательски. Эту максиму Захар Ильич внушал нам едва ли не каждый вторник без особого, замечу, успеха.

Впрочем, в былые времена преподаватель политэкономии Поволжского лесотехнического института Файнбург придерживался по вопросу о колбасе, точнее, о личном потреблении работника иной точки зрения, он даже настаивал на том, что от потребления зависит рост производительности труда. Хранители чистоты советской идеологии в городе Йошкар-Ола

вынести такой ереси не смогли и через газету заклеямили отступника [Панировский 1960]. Галина Петровна Козлова – супруга Захара Ильича, его многолетний соавтор и редактор, а по совместительству литературный агент, ходатай по делам во всевозможные учреждения, в общем, ангел-хранитель – как-то показала мне пожелтевший, надорванный на сгибах клочок скверной газетной бумаги с дурной полустертой печатью – фельетон, выдержанный в традициях ушедшего десятилетия. В нем вскрывались классовые корни порочных взглядов Файнбурга, осуждалось его неверие в творческие силы советского рабочего класса и, что самое главное, устанавливалась прямая связь между публикацией тезисов в ученых записках лесотехнического института и появлением тунеядцев в городской молодежной среде. После этого Файнбург был вынужден покинуть Йошкар-Олу; министерство высшего образования нашло ему место во вновь открытом Пермском политехническом институте.

Социолог, по мнению Захара Ильича, обязан отрешиться от личных и групповых интересов, а с ними и от повседневного опыта. «История идет по колено в грязи», – говорил и даже писал он. Увидеть грязь может каждый. Найти дорогу, определить участок пути, разметить маршрут – только обществовед. Для этого он должен подняться на наблюдательный пункт, предоставленный ему большой теорией. «Ключ к анатомии обезьяны лежит в анатомии человека». Эту максиму З.И. Файнбург не уставал повторять. Проблемы современности могут быть прочитаны на языке будущего общества. Его внешние очертания и детали нам не дано предугадать, зато социальная, технологическая и личностная основа может быть определена. С позиций готового коллективистского общества (З.И. Файнбург избегал термина «коммунизм») он анализировал общество советское.

У З.И. Файнбурга не было сомнений в социалистической природе этого общества. Тем более, что социализм он трактовал в первую очередь как *неполный, ранний* коммунизм, – коммунизм, развивающийся на чуждой ему, взятой в наследство у буржуазного общества технической базе. В использовании машинного производства З.И. Файнбург видел генетический источник незрелости социализма. Под коллективистскими отношениями сохранялись и прежний тип разделения труда, и экономическое неравенство, и принуждение, тем самым, обрекая новое общество на воспроизводство, естественно, в ином социальном виде «родимых пятен капитализма». З.И. Файнбург настаивал на том, что унаследованные от буржуазного строя элементы (деньги, товарное производство и обращение, представительная политическая власть) приобретают новое, *вывернутое* по отношению к капитализму содержание, оставаясь, тем не менее, неадекватными действительно коллективистским отношениям. Генетическая отягощенность социализма порождает его *детские болезни*: низкую производительность труда, систему компенсаторных отношений, дефицит продуктов и т. д. Предреволюционная отсталость России, по его мнению, предопределила зигзаги, отступления и слабости отечественного социализма.

З.И. Файнбург настаивал на различении *недостатков* (болезней) социализма и его *внутренних противоречий*. Здесь и пролегла демаркационная линия между марксистской мыслью З.И. Файнбурга и отвергаемым им «марксизмом учебников». З.И. Файнбург был достаточно последовательным для того, чтобы распространить диалектический метод на изучение социализма. Он затем настойчиво искал его основное имманентное противоречие, чтобы на его основании выстроить действующую теоретическую модель социалистического общества, понять и одновременно оптимизировать механизмы его саморазвития. З.И. Файнбург был наследником просветителей. Он был убежден в *производительной силе* общественной науки. Понять – значит, приступить к действию на основе научно разработанного плана. Между двумя этими актами подразумевается третий: убедить субъектов будущего действия, которых З.И. Файнбург не отождествлял ни с начальством, ни с интеллигенцией. Он был убежден в креативных возможностях исключительно рабочего класса, отвергая всякие аргументы, идущие от эмпирики. Время от времени З.И. Файнбург вслух мечтал о чудо-учебнике по научному коммунизму, прочтя который, западные пролетарии поймут, наконец, в чем заключаются их действительные интересы, актуализируют освоенную ими культуру и совершат социальный переворот. Стремление понять то общество, в котором он жил, и было пафосом всей его научной деятельности.

Собственно социология рассматривалась З.И. Файнбургом как инструмент этого познания, важный, но дополнительный. Исходным пунктом любого социологического исследования являлось построение теоретической модели на основании *априорного* знания. В программе исследования эта модель присутствовала дважды. Первый раз в виде теоретического обоснования, во второй, – в виде гипотез, которые и надлежало проверить. И хотя З.И. Файнбург является одним из пионеров конкретно-социологических исследований в стране, автором многочисленных инструментариев, организатором работ на отдельных предприятиях, его основным призванием было создание теоретических моделей. При их конструировании З.И. Файнбург *открывал* марксизм современным западным концепциям социологии в области культуры, социальной организации, литературы, спорта. Открытие не означало заимствования. З.И. Файнбург, переводя на язык марксизма новые теории, интегрировал их в отечественное обществознание, очищал их репутацию от налета буржуазности. Он также придавал им иной смысл, добавляя в их содержание дополнительные элементы научного знания. Требуется специальное исследование вопрос, в каких случаях З.И. Файнбург по-новому рассматривал, скажем, концепцию культуры Мертона, а в каких, шла речь о *параллельных* открытиях. Оригинальность социологических взглядов З.И. Файнбурга заключалась в первую очередь в марксистской интерпретации западной социологической мысли, более того, в ее адаптации для нужд конкретных социологических исследований.

З.И. Файнбург был одним из немногих советских обществоведов, едва ли не единственным, кто начал в шестидесятые годы встречное движение в сторону западной социальной науки на своей методологической территории, не переступая лично определенные им границы марксистской парадигмы. Марксизм З.И. Файнбурга перекликается с марксизмом Франкфуртской школы. Применение диалектики для изучения социализма, включение культурного компонента в социальный и даже экономический анализ, симпатии к творческому наследию А. Грамши, увлеченность утопией, наконец, масштаб мысли – все это сближает З.И. Файнбурга с западными марксистами Т. Адорно, М. Хоркхаймером, Г. Маркузе. Что касается исследовательских принципов, то в этой области мысль Файнбурга двигалась в том же направлении, что и рефлексия над «Капиталом», осуществленная Альтюссером. По их общему мнению, этот текст Маркса скрывал в себе дополнительное особое знание, а именно, универсальный метод социального исследования, уже упомянутую ранее диалектическую логику.

Файнбург так сформулировал принятые им правила научного анализа, извлеченные из поздних текстов Маркса:

«исследовать экономические отношения в чистом виде, освободившись с помощью метода абстракции от частных, конкретных особенностей (чтобы вернуться к ним лишь в конце своего пути);

исследовать экономические отношения в развитом виде, поскольку такое состояние отличается полнотой развития своих свойств (противоречий, в первую очередь), не затемняемых привходящими обстоятельствами состояния столкновения;

исследовать теоретические модели экономических отношений будущего для ретроспективного анализа настоящего и определения тенденций его развития» [Файнбург, Козлова 1982, с. 11]. Даже по манере научной коммуникации Файнбург и Альтюссер походили друг на друга [См.: Берелович 2005, с. 40]. А вот с отечественными социологами З.И. Файнбург здесь расходился. Его сверстники и собратья по новому цеху не слишком полагались на абстрактные модели. Многие из них стремились идти от факта, а не от идейного конструкта, каким бы логически выверенным он им ни казался. И здесь примечательным представляется заочный, а временами на конференциях и очный спор с Л.А. Гордоном, касательно значимости гипотез в конкретно-социологическом исследовании. Для З.И. Файнбурга ответ был бесспорен. На основании заранее полученной теоретической модели выстраиваются гипотезы, проверяемые в ходе эмпирического исследования. Л.А. Гордон полагал, что заранее сформулированные предположения не имеют эвристической ценности. Они сковывают исследователя, заставляя загонять сложную и многогранную жизнь в готовые схемы. Аргументы Л.А. Гордона не поколебали уверенности З.И. Файнбурга, что прежде надо в кабинете построить концепцию среднего уровня, а уже потом ее проверять эмпирическими методами.

С Альтюссером Файнбург не согласился бы по иному поводу. Французский марксист был убежденным структуралистом,

абстрагирующимися от исследования исторической практики [См.: *Althusser* 1965]. Напротив, для Файнбурга концепция практики является ключевой в теории Маркса. В антиномии «статика» – «динамика» Файнбург отдавал предпочтение последней категории: «Труд приоритетен именно как процесс, поскольку подчеркивается движение, деятельная природа человека и общества» [*Файнбург, Козлова* 1982, с. 20]. Я употребляю здесь сослагательное наклонение, поскольку совсем не уверен в том, что Захар Ильич Альтюссера читал. Хотя в большом социологическом сообществе за Файнбургом закрепилась кличка «француз» («легко необычайно; укажет тему, выскажет несколько замечательных идей, а потом другие про это диссертации защищают», – пояснил мне ее происхождение профессор Пароль), Захар Ильич по-французски не читал. И если мне не изменяет память, на польский язык труды Л. Альтюссера в те времена не переводились.

Подробное изложение взглядов З.И. Файнбурга понадобилось мне для того, чтобы объяснить на каких интеллектуальных основаниях держался его непререкаемый авторитет. Кафедралы видели в нем вовсе не социолога, но большого социального мыслителя, которому обстоятельства времени и места не позволяют в полной мере реализоваться в масштабе общесоюзном, искали и находили в нем черты энциклопедиста, в одинаковой степени эрудированного в основных областях общественнознания, кроме, может быть, истории.

Историков профессор Файнбург откровенно презирал за отсталость мышления, неумение оперировать теоретическим методом и за сервильность по отношению к власти. Исключение он делал только для М.Н. Покровского. И коллег по работе безжалостно экзаменовал на знание его концепции. И если профессор по истории КПСС испытания не выдерживал, то тут же терял в глазах Захара Ильича все и всяческие права на ученость. Исторических монографий по этой причине он не читал и даже не покупал, в дебаты на темы прошлого не вступал. Выпускников исторического факультета на работу по необходимости брал, но считал их неучами, в лучшем случае коллекционерами ненужных и скучных древностей. Слово «историк» – это было клеймо, указывающее на человека, не способного к интеллектуальной деятельности, не социолога. Чтобы от него (не человека все-таки, но клейма) освободиться, требовалось время, упорный труд на социологическом поприще и даже признание извне. Автору этих строк удалось избавиться от дурной исторической репутации только после того, как Захару Ильичу на какой-то столичной конференции похвалили тезисы, касающиеся специфики городской культуры, по-моему, это знаменательное событие произошло лет через 6 или 7 после прихода на кафедру. Свое отношение к истории Файнбург резко изменил в середине 1980-х годов во время усиленных штудий над концепцией коллективистского общества. Здесь сыграли свою роль и волна публикаций, посвященных критике сталинизма, и возвращение из спецхранов литературы двадцатых годов, открывшая доступ к новому для него пласту социалистической мысли. Раньше он читал и охотно цитировал

полузапретные работы А.А. Богданова. Реабилитации 1980-х годов затрагивали Файнбурга лично. По своему происхождению он принадлежал к партийной номенклатуре первого поколения, не пережившей волну террора 1937–1938 гг.

Так или иначе, но в последние годы жизни З.И. Файнбург увлекся историей, читал стенограммы партийных съездов, следил за периодикой, даже обращался за консультациями к своим сотрудникам, подозрительным по части потаенного интереса к историческим знаниям. Продуктом этой деятельности стал цикл публичных лекций в мае 1987 г. «Культ личности: закономерное и случайное». Это стало событием для политической жизни Перми. О нем говорили в автобусах, спорили, восхищались, критиковали, писали доносы.

Повторюсь, в глазах малого социологического сообщества Захар Ильич Файнбург был мыслитель – энциклопедист, полномочный представитель великой, не запятнанной доктринами – догматиками социалистической традиции. Он и говорил и писал не так, как это делали другие обществоведы, в особенности, конечно, занятые преподаванием научного коммунизма. К некоторым из них язвительный Файнбург приклеил ярлык: инвалиды умственного труда. Его репутация человека, выбивающегося из ряда, конечно, осложняла жизнь его ученикам. Защитить кандидатскую диссертацию аспирантам Файнбурга было очень сложно. Во-первых, он сам был мастером предлагать непроходимые темы, вроде феномена советского детектива, или фантастики в контексте теории научного коммунизма; во-вторых, ученые советы не спешили открыться перед людьми, готовыми проповедовать сомнительные идеи своего шефа, в третьих, за пределами социологического мира Файнбурга просто не знали. В среде научных коммунистов он был белой вороной.

В политехническом институте Файнбурга ценили. За то, что профессор – их тогда было немного. За то, что открыл аспирантуру – тоже дело редкое. За резкость, парадоксальность и прямоту суждений. Выступлений З.И. Файнбурга в разных собраниях ждали. За то, что создал хозрасчетную лабораторию. «Оказывается, Вы можете быть полезным институту, это надо иметь в виду», – обронил как-то ректор [*Козлова, Ошуркова 2000, с. 69*]. Политехнический институт отчаянно нуждался во внебюджетных деньгах. В сосновом бору за Камой – в десяти километрах от исторического центра Перми – начиналось строительство Комплекса – учебных и лабораторных корпусов, студенческих общежитий, многоэтажных домов для преподавателей по образу и подобию Академгородка под Новосибирском. Только финансирование было иным – значительно более скромным. В обмен союзные власти разрешили вести строительство так называемым хозспособом, т. е. собственными силами, в том числе и за счет заработанных вузом средств. В такой ситуации объем хозяйственных договоров становился важнейшим критерием эффективности работы кафедр – всех, за исключением кафедр общественных наук. Те, по общему мнению, ничего предложить промышленности не могли и, на самом деле, ничего не

предлагали, кроме кафедры научного коммунизма. Файнбург умел разговаривать с хозяйственными руководителями, испытывавшими серьезные затруднения с привлечением и, самое главное, с сохранением рабочей силы. Тогда это называлось текучестью кадров. Работники нового поколения уже не довольствовались только заработком. Они ожидали дополнительных социальных благ, прежде всего, благоустроенного жилья, становились более разборчивыми в отношении условий труда и даже его содержания. Свое недовольство производственными порядками работники демонстрировали самым прямым и непосредственным образом – нарушением трудовой и технологической дисциплины, или переходом на другое место работы. Заводское начальство не располагало экономическими ресурсами, достаточными для адекватной реакции на социальный вызов. Его административные возможности также были резко ограничены по сравнению с предшествующим периодом. В такой ситуации файнбургские предложения при помощи социологических методов разработать и внедрить дополнительные и очень экономичные социальные технологии управления – встречали благожелательный отклик у промышленных генералов. Не всех, конечно, но наиболее продвинутых. При кафедре в 1967 г. была создана хозрасчетная лаборатория социологии, исправно выполнявшая заказы в объеме 100–150 тыс. рублей в год. В ней работало около 40 сотрудников, распределенных по трем секторам: социологии труда (М.А. Слюсарянский), социологии культуры (В.М. Лихачев) и социального планирования (Е.С. Шайдарова). Последний сектор считался самым важным – и не только в силу неукротимого темперамента Елены Саввичны Шайдаровой, хорошо известного как старшему поколению отечественных социологов, так и нынешним студентам пермского политеха. Здесь действовали иные, главным образом, доктринальные причины.

Для З.И. Файнбурга социальное планирование было воплощением прогрессивности социалистического строя, его способности соединять в единое целое научность управления и «...приоритет социальных целей на соответствующей высокоразвитой экономической основе» [Файнбург 1991, с. 312]. Внедрение методов социального планирования на промышленном предприятии – основной ячейке нового общества – по мнению Файнбурга, означало ни что иное, как совершенствование всей системы социалистических отношений. И участие социологов в этом процессе оправдывало само существование этой профессиональной группы, может быть, в большей степени, чем все остальные продукты ее жизнедеятельности. В некоторых вопросах Захар Ильич был ортодоксален и нередко упрекал своих сотрудников тем, что они живут за счет работников физического труда, поскольку ничего своими руками не производят.

Для заказчиков предложение помочь с социальным планированием также было вполне приемлемым, поскольку руководителям предприятий вменялось в обязанность наряду с хозяйственным планом разработать и план социальный – точнее социально-экономический. Причем партийные инстанции требовали повышенных обязательств по всем показателям.

В 1976 г. мне довелось поучаствовать в составе рабочей группы в составлении плана социально-экономического развития Ленинского района г. Перми. Потом группа разошлась, и мы остались вдвоем с А.Д. Боронниковым, тогда только что пришедшим в лабораторию социологии из средней школы, в которой он учительствовал. Городская группа еженедельно требовала от нас сводные показатели на пятилетку по жилищному строительству, озеленению улиц, но также по росту производительности труда на промышленных и строительных предприятиях, а вкупе с ними и по количеству будущих орденосцев. Мы вначале честно пытались собирать данные по предприятиям и учреждениям. Оттуда сообщали, что пятилетний план для них еще не утвержден, и они могут дать только предварительные цифры, да и то не все. Городская комиссия наши данные браковала (слишком низкие темпы роста) – и требовала от нас их увеличить. Предлагалось включить в план строительство 5 или 6 многоквартирных домов, на строительство которых не было отпущено ни одного рубля. Предприятия отказывались. На нас давили. Кончилось все это тем, что мы сели втроем – с председателем райплана и придумали два коэффициента: 1,06 и 1,52. Производственные показатели мы исчисляли по первому коэффициенту; общественно-политические (рост народных дружин, участие в субботниках и пр.) по второму. Затем куда-то делась и городская комиссия, успевшая одобрить наше нововведение. Мы сверстали план на 250 страницах. Сессия райсовета приняла его в течение четверти часа. Нас накормили бутербродами с красной рыбой и сервелатом и вернули в первобытное состояние.

Далеко не все руководители промышленности относились к социальному планированию столь же легкомысленно, как районное начальство. Некоторые из них рассуждали по-другому: если предлагают какой-то новый инструмент, почему бы им ни воспользоваться? Затраты небольшие, а польза может быть. «Не получится что-то большее, так хоть функциональную музыку в сборочном цехе введем», – так объяснил свое согласие на сотрудничество с лабораторией директор Ликинского автобусного завода. Сборочный цех на этом предприятии представлял собой громадный ангар, продуваемый всеми ветрами. От грохота, скрежетания и лязгания нельзя было услышать собеседника, находящегося на расстоянии вытянутой руки. Договор был подписан.

За несколько лет сложился неспешный алгоритм исполнения исследовательских работ. Сначала (в течение первого квартала) разработка программы и инструмента исследования; иногда предполагался даже пилотаж. Первые анкеты носили для проверки в обком. Там в отделе пропаганды и агитации внимательно изучали вопросы, нет ли в них какой-нибудь крамолы, или неприличностей. Затем областные органы делегировали эти полномочия институтскому парткому. Вначале там пытались повторить уже апробированную процедуру: прочесть, отметить сомнительные места, вызвать З.И. Файнбурга для разъяснений, но вскоре оставили эту затею. Вступать в напряженный диалог с Захаром Ильичем оказалось делом неприятным и хлопотным. На кафедре вспоминали историю, как заместитель

секретаря парткома пытался убедить Файнбурга снять вопрос, касающийся добрых или внебрачных (сейчас уже не вспомню) отношений. Захар Ильич немедленно откликнулся – Так что их у вас никогда не было, что ли? Его собеседник потупился – Нет, никогда – и покраснел. Бывает, - утешил Файнбург. Так или иначе, но уже с середины семидесятых годов партийные комитеты цензурных функций по отношению к опросным листам уже не исполняли.

Анкеты были большими, рассчитанными на неторопливое вдумчивое заполнение. Так программа изучения образа жизни включала в себя 10 блоков: труд, образование и учеба, культурная информированность, свободное время, личная жизнь, семья, общение, городская жизнь, общественно-политическая активность, жизненные планы и их реализация, личностный блок. Респонденту вменялось в обязанность ответить на триста с чем-то вопросов [См.: *Разинский* 1980, с. 25–26]. Захар Ильич был приверженцем по-настоящему массовых опросов – не менее тысячи участников. Предполагалось, что надежные результаты можно получить только при использовании тройных зависимостей.

Сам анкетирование было продолжительным. В течение 2–3 месяцев сотрудники лаборатории неспешно опрашивали людей, как правило, на рабочих местах.

Затем следовал обсчет в институтском вычислительном центре в соответствии с общим графиком, так что к написанию отчета приступали спустя девять, или десять месяцев после начала работ по договору. Шеф требовал, чтобы отчеты были подробными, желательно многотомными: заказчикам тоже надо отчитываться. И уже только потом на основании отчета специальные люди, работавшие в секторе социального планирования, приступали к процедуре, называемой «привязкой», т.е. к разработке социальных мероприятий на основе полученной информации.

В срок укладывались редко. Выходили замуж и не возвращались на базу интервьюеры. Пропадали анкеты. Приходилось повторять опрос на отдельных участках. Терялось время на шифровании. Вычислительный центр выдавал брак. Руководитель проекта требовал дополнительной редакции. Е.С. Шайдарова работала в особом режиме. И тогда на предприятие отправляли сотрудника для переговоров. Он должен был убедить заказчика авансом проплатить последний этап, или подписать протокол о пролонгации, то есть продлении срока действия договора.

Если вспомнить, что к началу восьмидесятых годов наши заказчики располагались, как правило, уже за пределами г. Перми: в Губахе, Березниках, Нытве, Кунгуре (это было ближнее зарубежье), но также в Тырнаузе, Ликино-Дулево и, самое главное, в Норильске, то можно себе представить трудности, сопряженные с этой неприятным поручением: задержки рейсов, ночи в аэропортах, отсутствие билетов, не приветливые партнеры по переговорам. Лабораторный фольклор так откликнулся на дальние путешествия: *Таблетку аэрона проглоти / И слушай заунывный рев винтов / Исследование ждет нас впереди / Но инструмент сегодня не готов.*

Уход из Перми, последовавший в начале семидесятых годов – в городе у лаборатории остался фактически единственный партнер – Пермский телефонный завод, был вызван несколькими причинами: позицией областного руководства, не рекомендовавшего промышленным генералам связываться с Файнбургом, нашими собственными организационными слабостями, но, самое главное, неэффективностью предлагаемых социальных технологий. Как представляется сегодня, мы не учитывали двух основополагающих обстоятельств: недостаточность финансовых ресурсов, необходимых для осуществления сколько-нибудь значимых социальных проектов, а наряду с этим и высокую степень ритуализации социальных практик, не позволяющую хотя бы обновлять их символическое наполнение. Разочарование было обоюдным. Руководство предприятий не дождалось от социологии чудесного превращения крепко выпивающих, брюзжащих и прибирающих к рукам все, что плохо лежит, работяг в дисциплинированных, сознательных и высококвалифицированных преданных делу рабочих. Социологи, могу сказать это о и себе, почувствовали всю тщетность своих усилий, блокированных нежеланием заводской администрации что-либо менять в управленческих практиках, хотя бы не раздражать рабочих банкетными залами в заводских столовых.

Социологическое сообщество теряло и концептуальное единство. В.И. Герчиков, возглавлявший соответствующую службу на телефонном заводе, реализовал новую программу, мало совместимую с идеей социального планирования. Он сознательно и целеустремленно адаптировал социологические методы к нуждам дирижистского управления. Социология – это инструмент власти; она обеспечивает дирекцию необходимой информацией о каждом работнике, его слабых и сильных сторонах и предлагает методы воздействия на него. Другие заводские социологи, освоившие азы профессии в лаборатории, также от нее отдалялись.

Уход с местных промышленных предприятий был частично компенсирован прорывом в сфере образования. В вечернем университете марксизма-ленинизма было открыто социологическое отделение. Учащихся набирали с разных мест: с заводов, с техникумов, школ, из партийного аппарата, из местного управления госбезопасности. Преподавательский состав едва ли не полностью был рекрутирован с кафедры З.И. Файнбурга: М.А. Слюсарянский, В.Н. Стегний, Е.С. Шайдарова, работавший в лаборатории С.И. Кордон. В ВУМЛе к нам хорошо относились: поили чаем, беседовали о том – о сем, в буфете можно было купить 400 гр. сосисок. Слушатели задавали вопросы, рассказывали о ситуации на работе, подходили после занятий. Через какое-то время в вечернем университете сменилось начальство. На должность директора заступила Инна Сергеевна Быкова, бывшая долгое время секретарем по пропаганде Пермского обкома. Походила по лекциям, побеседовала со слушателями, поучаствовала в семинарах. Первое время держалась отчужденно, затем стала улыбаться, потом приглашать на чай и однажды обмолвилась: «О вас всех такое

говорили...». В общем, все мы оказались не такими страшными, как это выглядело из высоких кабинетов.

Подведем итоги. Пермская социология была порождением социалистической мысли в ее недогматическом, шестидесятническом прочтении. Ее генетическая связь с кафедрой научного коммунизма не была вызвана случайными обстоятельствами времени и места. В такой организационной форме реализовывалось внутреннее идейное единство. Все основные концепты, развиваемые З.И. Файнбургом и его учениками, были почерпнуты ими (нами) из социалистической теории. Ее превосходство над концепциями среднего уровня находило свое продолжение в статусном неравенстве между преподавателями научного коммунизма, практикующимися в социологии, и сотрудниками лаборатории, отказывающимися вести этот предмет. Ассистент по рангу был выше, чем младший научный сотрудник. Когда автора в 1975 г., или в 1976 г. перевели из кафедры в лабораторию (смена учебных планов привела на время к уменьшению нагрузки), это расценивалась как ссылка, вид наказания за недостойное образование. Причем дело было не в зарплате – она была выровнена, а в престиже. Социология была призвана не только расширить наше представление о социалистическом обществе: его генезисе, противоречиях, формах бытования и перспективах, но и найти социальный инструментарий для его совершенствования. Для этой цели годилось все – и западные концепции, проверяемые на пригодность для социального анализа, и исследовательские техники, адаптированные для советских реалий. Благодаря такому подходу, малое социологическое сообщество, объединенное З.И. Файнбургом, не оуклилось, не превратилось в секту. Полагалось много читать, причем зарубежных авторов. Шеф настаивал на том, чтобы его сотрудники осваивали иностранные языки. Помню, он поразил меня вопросом на первой встрече: Сколько языков я знаю? Мой немецкий, который я преподавал целый учебный год в бисерской средней школе, его совсем не удовлетворил. Он сказал, что я непременно должен прочесть в ближайшее время *einsame Masse* и перейти к изучению английского и французского. Через несколько недель, правда, выяснилось, что я совсем не одинок в своем невежестве. В штате лаборатории был переводчик. Продукты его деятельности – курс лекций по истории социологии Тимашева, та же «Одинокая толпа» и еще несколько текстов, отпечатанных на машинке и аккуратно переплетенных, быстро разошлись по кафедре. Журнал «Научный коммунизм», напротив, если кто-то и читал, то никому об этом не рассказывал. В то же время кафедра научного коммунизма была отделена от родственных учреждений. Контакты со столичными центрами поддерживал только Захар Ильич. По-моему, только однажды в Пермь на конференцию прибыли И.В. Бестужев–Лада и В.А. Ядов. Свердловские социологи приезжали по приглашению обкома и читали лекции перед идеологическим активом. Это было все совсем другое.

Малое пермское социологическое сообщество вело островное существование. Были перекинуты мосты к западной социологии, но

одновременно были ослаблены коммуникации с иными отечественными социологическими группами. Да и общение с западной социологической мыслью было сугубо избирательным, подчиненным вкусовым пристрастиям З.И. Файнбурга.

В исследовательских проектах отражались как сильные, так и слабые стороны этого состояния. Идейная предопределенность основных гипотез приводила к тому, что мы зачастую искали черную кошку в темной комнате, подозревая, что там ее нет, то есть исследовали отношения коллективности на предприятиях, или в городе. В другом случае исследования исполняли служебную роль в процессе разработки планов социального развития.

Пермская социология, признаю это, является продуктом ушедшей эпохи. Новая социологи работают совсем в другой парадигме.

Что осталось?

Из созданных тогда институтов сохранились деноминированная кафедра, под управлением М.А. Слюсарянского сохранившая старые кадры; а с нею и лаборатория социологии, практикующая освоенные техники больших массовых исследований с серьезным программным обеспечением и тщательно отобраным инструментарием.

Продолжают работать ученики, не утратившие вкус к теоретическим построениям, уважение к печатному слову и уверенность в значимости полевых исследований.

Самое важное наследство – это культивируемый в Пермском государственном техническом университете миф о Файнбурге, легитимирующий занятия социологией в техническом вузе, позволивший открыть и соответствующее отделение на гуманитарном факультете и ученый совет по кандидатским диссертациям.

Литература

Althusser L. Lire le Capital. V. 1. P.: PUF, 1965

Castells M. La question urbaine. P.: Maspero, 1973.

Антисоветские материалы, полученные посредством порочных методов: Как закалялась социология в СССР // Власть. 2003. № 4.

Берелович А. О культе личности и его последствиях (заметки о позднесоветском интеллектуальном сообществе) // НЛЮ. 2005. № 76.

Козлова Г.П. О судьбе рукописи «Миражи современной утопии: утопия в облике научной фантастики // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Пермь, 1996.

Козлова Г.П. История рукописи «Коллективистское общество. Идеал. Теория. Реальность». Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Пермь, 1998.

Козлова Г.П., Ошуркова Р.А. Захар Ильич Файнбург// Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Из личного архива профессора З.И. Файнбурга. Пермь, 2000.

- Научный тандем. Файнбург Захар Ильич. Козлова Галина Петровна. Биобиблиографический указатель. Пермь, 2004.
- Панировский Ф., Чистополов И., Маркин Н.* Против глашатаев «теории желудка» // Марийская правда. 6 июля 1960.
- Разинский Г.В.* Программа исследования образа жизни трудящихся города Губахи // Материалы по социально-экономическому планированию г. Губахи. Губаха, 1980.
- Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999.
- Социология социалистического производственного коллектива. М., 1982.
- Файнбург З.И.* Эмоционально-культурные факторы функционирования семьи // Социологические исследования. 1981. № 1.
- Файнбург З.И., Козлова Г.П.* Диалектическая логика политической экономии социализма. Саратов, 1982.
- Файнбург З.И., Лейбович О.Л.* Рецензия на книгу Аитов Н.И. и др. Социальное проектирование // Социологические исследования. 1983. № 4.
- Файнбург З.И.* Не сотвори себе кумира... М., 1991.
- Файнбург З.И.* Человек и будущее // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Из личного архива профессора З.И. Файнбурга. Пермь, 2000.
- Яковлева В.В.* Реформирование отечественного образования в контексте филиации идей в первой трети XX века. Автореферат канд. диссер. Пермь, 2004.